КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО, ИЛИ КАК ОБЛЕГЧИТЬ ЖИЗНЬ РУССКИМ СТУДЕНТАМ

А.В. Кравченко

Байкальский государственный университет экономики и права. Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Каждый преподаватель английского языка, обучающий русскоговорящих студентов, знает, что основные грамматические трудности, с которыми приходится сталкиваться на занятии, связаны с усвоением артиклей, предлогов и грамматических форм глагола. Что касается артиклей, здесь все понятно: в русском языке артиклей нет, поэтому студенту надо объяснить, зачем они нужны в английском и какова их функция. С предлогами ситуация несколько иная: предлоги есть и в русском языке, но студента обычно смущает их большое количество и особенности употребления в английском. Наконец, что касается так называемых времен (tenses) – точнее, видовременных форм глагола, – то многие студенты испытывают существенные трудности в овладении навыками их правильного употребления по простой причине. Привыкнув к тому, что в русском языке три времени (настоящее, прошедшее и будущее), они оказываются не в состоянии постигнуть логику организации и особенности функционирования системы, включающей двенадцать форм в активном залоге. В этой связи в статье показывается природа трудности в усвоении так называемых английских времен, связанная с неадекватными металингвистическими знаниями о значении и функционировании категорий времени и вида в русском языке. Поскольку когнитивные структуры, лежащие в основании этих грамматических категорий, укоренены в чувственном опыте и одинаковы в обоих языках, опора на родной язык с применением когнитивного подхода позволяет предложить простой алгоритм выбора правильной глагольной формы в дискурсе. Это позволяет радикальным образом улучшить процесс освоения грамматики, снимая многие мнимые трудности. Использование данной методики автором и его учениками и коллегами на протяжении 20 лет в образовательных учреждениях различных уровней показало ее высокую эффективность, намного превосходящую существующие традиционные методики.

Ключевые слова: когнитивная грамматика, чувственная контекстуализированность, наблюдатель, вид, время.

Обычные дескриптивные и педагогические грамматики, толкующие значение различных грамматических явлений на основе так называемых семантических категорий, часто не помогают пролить свет на загадку функционирования тех же артиклей или глагольных форм. А уж что касается опоры на родной язык в объяснении явлений другого языка, то об этом вообще не приходится говорить, так как такой опоры попросту нет – особенно учитывая тот факт, что в вузах все большее предпочтение отдается аутентичным учебным пособиям, изданным в Англии или Америке. Вместе с тем – и это тоже факт – в зарубежных университетах при приеме на работу преподавателей английского языка как иностранного предпочтение обычно отдается тем, для кого английский не является родным языком.

Логика здесь простая: тот, кто сам овладел иностранным языком, лучше сможет учесть и помочь преодолеть трудности, возникающие у студентов в процессе обучения. И если родной язык студентов тот же, что и у преподавателя, преподаватель может весьма эффективно организовать учебный процесс, опираясь на собственный опыт овладения иностранным языком и преодоления трудностей, вызванных существенными межъязыковыми различиями. Если к тому же он будет еще и опираться на современные достижения в области исследования языка как когнитивной деятельности, многие так называемые трудности, с которыми сталкиваются студенты, окажутся трудностями мнимыми и легко преодолимыми. Но для этого нужно хорошо понимать, зачем вообще в языке нужны такие категории, как, скажем, время и вид, чтобы доходчиво и просто объяснить принципы функционирования соответствующих форм. Такое понимание дает когнитивный подход к языку как деятельности, укорененной в чувственном опыте [1].

Трудности мнимые и настоящие

Любой, говорящий на русском языке как родном, знает, что времен — три, поэтому, начав изучать английский и узнав, что там времен двенадцать, студент оказывается в состоянии недоумения, которое нередко остается с ним на всю жизнь, препятствуя функциональному овладению глагольной грамматикой. Но если задать вопрос, а какие же еще есть в английском языке времена помимо настоящего, прошедшего и будущего, окажется, что ответить на него положительно невозможно – потому что то, что принято называть «временами«, на самом деле не времена, а видовременные формы (см. табл. 1), которые в грамматиках классифицируются весьма непоследовательно.

Название любого из двенадцати английских «времен« начинается с одного из трех слов: Present, Past, Future. Есть четыре вида настоящего, четыре вида прошедшего и четыре вида будущего, которые известны как Simple, Progressive, Perfect и Perfect Progressive. Термин “simple tense» (в американской грамматической традиции) указывает на формальный принцип классификации: форма простая, потому что состоит из инфинитива, к которому может добавляться суффикс. Речь идет о морфологических формах настоящего и прошедшего времени. Хотя в теоретических грамматиках will +Infinitive не рассматривается как видовременная форма (tense), функционально эта конструкция тем не менее входит в систему выражения видовременных отношений, поэтому ее можно рассматривать как условно простую форму – особенно в случаях нейтрализации модального оттенка в значении глаголов will и shall в клитике 'll. Но, сказав «А«, грамматики не говорят «Б« и не называют остальные формы сложными, хотя они и состоят из двух и более слов. Аналогичным образом, в британской традиции простые формы называют «неопределенными« (“indefinite tense»), но понятие неопределенности применительно к этим формам не раскрывается, так же как нет и противоположного понятия и соответствующего ему термина «определенная форма« (“definite tense»). Часто встречающееся в грамматиках утверждение, что неопределенная форма употребляется тогда, когда время действия или события не определено или не оговорено, не соответствует действительности, что хорошо показывает следующий пример: He arrived in London at exactly 11 a.m. on the 28th of May, 1982.

Таблица 1

Простые и сложные формы английского глагола в активном залоге

TENSE	Simple/ Indefinite	[Complex?]/ [Definite?]		
		PROGRESSIVE be + Ving	PERFECT have + Ven	Характер взаимодействия
Present	I fly	I am flying	I have flown	I have been flying
Past	I flew	I was flying	I had flown	I had been flying
Future	I'll fly	I'll be flying	I'll have flown	I'll have been flying

В системе видовременных форм русского языка аналогичная картина. Если взять парные глаголы движения типа идти – ходить, бежать – бегать, лететь – летать и т. п., относящиеся к старейшему пласту лексики и имеющие одинаковое лексическое, но различное грамматическое значение (которое в ортодоксальной русистике, как это ни странно, остается необъясненным), то форм окажется практически столько же, сколько и в английском (см. табл. 2).

Таблица 2

Простые и сложные формы русского глагола в активном залоге

ВРЕМЯ	Неопределенный[1] вид	Определенный вид		
		1	2	3
Настоящее	Я хожу летаю	Я иду лечу	-	Я (по)хаживаю (по)лётываю
Прошедшее	Я ходил летал	Я шел летел	Я сходил слетал	Я хаживал лётывал
Будущее	Я буду ходить летать	Я буду идти лететь	Я схожу слетаю	Я буду (по)хаживать (по)лётывать

1. Парные глаголы типа лететь–летать в русской грамматической традиции абсолютно необоснованно относят к одному виду (НСВ), игнорируя тот факт, что они образуют классическую морфологическую оппозицию, выражающую грамматическое значение [3]. Предлагаемые термины «неопределенный» и «определенный» объясняются в разделе «Когнитивный подход к времени и виду».

Строго говоря, если согласиться с тем, что в английском языке времен – двенадцать, то следует говорить, как минимум, об одиннадцати временах в русском. Но мы почему-то этого не делаем. Почему? Да потому, что мы прекрасно понимаем, что (с точки зрения формальной грамматики) ходил, шел, сходил и хаживал – формы прошедшего времени, точно так же, как говорящий на английском языке понимает, что I work, I am working, I have worked и I have been working – все формы настоящего времени. Получается, что трудность, связанная с количеством временных форм в двух языках, – трудность мнимая. Настоящая трудность в другом: не задумываясь, какой из парных русских глаголов выбрать в той или иной ситуации, русскоговорящий студент, как правило, не может объяснить механизм выбора.

Как это ни покажется странным, главную, настоящую трудность в овладении английскими «временами« представляют не столько особенности функционирования английских глагольных форм как таковых, сколько те метаязыковые знания, которые студенты приобрели на уроках русского языка в общеобразовательной школе. Ортодоксальная грамматическая теория в русистике навязывает учащимся знание о формах и функциях русского глагола (таких, например, как видовременные и залоговые формы), которое имеет весьма отдаленное отношение к пониманию когнитивных механизмов, лежащих в основе их системного, то есть определяющего особенности функционирования грамматического значения [2,3,4]).

Когнитивный подход к времени и виду

Не останавливаясь подробно на критике ортодоксальной грамматической теории, обрисуем вкратце подход к категориям глагольного времени и вида в рамках разработанной автором когнитивной теории [5–7] и основанной на ней методике обучения английскому языку [8–10]. С помощью категории времени человек делит весь окружающий его мир на три сферы опыта:

1) опыт, непосредственно входящий в сферу воспринимаемой чувствами и осознаваемой действительности, или настоящее (present, от лат. praesens ‘то, что перед чувствами’);

2) опыт, сохраняющийся как память о том, что прошло «мимо« наших чувств, или прошлое (past);

3) опыт, который предсказывается на основании имеющихся знаний, или будущее (future).

Здесь очень важно усвоить, что, в отличие от английского языка, в русском нет однозначного соответствия между этими понятиями и так называемыми формами глагола. Рассмотрим в качестве примера следующую ситуацию. Папа некоторое время назад уехал в командировку. Вова в своей комнате учит уроки, мама на кухне готовит ужин. Раздается звонок в дверь. Мальчик открывает и при виде отца радостно сообщает: «Мама, папа приехал!» Согласно ортодоксальной грамматике, приехал в данном случае – форма прош. вр. СВ, обозначает действие, имевшее место в прошлом и завершившееся к моменту речи.

Это традиционный подход, к которому все привыкли, потому что он не мешает жить говорящим на русском языке как родном – тем более что это знание, которым никто из нас никогда на практике не пользуется. Мы все усвоили родной язык, включая грамматику, в младенческом возрасте, то есть, когда еще и понятия не имели ни о времени, ни о виде, ни о других «тонкостях« грамматической науки. Но при изучении английского языка такой подход нас перестает устраивать, так как не позволяет соотнести наше металингвистическое «знание« о родном языке с тем, что находим в английском. Когнитивный же подход ориентирует на то, чтобы ответить на вопрос: «А что именно сообщает мальчик маме?» В этом случае его восклицание интерпретируется так: «Я вижу папу. С некоторого момента в прошлом я его не видел, так как он уехал в командировку. Теперь он снова здесь, значит, он приехал/вернулся» (вывод, основанный на фоновых знаниях мальчика).

Другими словами, смысл восклицания мальчика таков: «Папа снова дома! (я его снова вижу)». Но ведь это самое настоящее НАСТОЯЩЕЕ! И в английском языке, где соответствие между временными понятиями и временными формами глагола гораздо более последовательное, чем в русском, будет, конечно же, употреблена форма настоящего времени. Другой вопрос, какая из четырех возможных – Simple, Progressive, Perfect или Perfect Progressive? И здесь на помощь приходит правильное (то есть когнитивное) понимание категории вида.

С помощью категории вида человек разграничивает знания по их источнику: мы знаем о чем-то, потому что видели (слышали, ощущали и т. п.) это сами. И мы знаем о чем-то, потому что это знание было передано нам в готовом виде (кто-то сказал, прочитали об этом, узнали в школе и т. п. – возможности здесь самые разнообразные). Во многих языках мира это противопоставление категоризируется на уровне морфологии как эвиденциальность [11]. Это различие очень важно, и в повседневной деятельности мы все время учитываем его на подсознательном уровне. Всем хорошо известна пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать«. Смысл ее в том, что увиденное воочию, как правило, не подвергается сомнению, тогда как знание, полученное из чужих рук (точнее, из чужих уст), не всегда обязательно достоверно.

В этой связи посмотрим, что получится, если в приведенной выше ситуации мальчик вместо глагола СВ употребит глагол НСВ: «Мама, папа приезжал!» Хотя формально это высказывание грамматически правильное, в нашей ситуации оно не может быть употреблено, потому что «так не говорят». А не говорят так потому, что *при-*

езжал не содержит в себе указания на то, что в момент высказывания мальчик видит папу; напротив, сообщается, что сейчас в этом месте папы нет, тогда как форма *приехал* такое указание содержит. Если мы вернемся к табл. 2, то увидим, что именно такое различие в значении содержится в парах типа ехать – ездить: в прототипическом случае одна форма указывает на текущее восприятие действия, тогда как в другой такое указание отсутствует. Текущее восприятие подразумевает, что имеется *идентифицируемый* наблюдатель – тот, кто видит (слышит и т. п.), то есть источник информации о сообщаемом *определен*. Отсутствие же указания на наблюдателя ведет к тому, что источник информации остается неопределенным – что и схвачено (по-видимому, чисто интуитивно) термином «indefinite tense».

Отличие русского языка от английского состоит в том, что в русском подобного рода смысловые различия, как правило, передаются не специальными формами глагола, как в случае парных глаголов, а контекстом. Ср. следующие примеры: *Иван курит, несмотря на предостережения врачей; Смотри, Иван снова курит, несмотря на предостережения врачей*. В первом случае речь идет о том, что́ мы знаем об Иване, при этом вовсе не обязательно, чтобы Иван находился у нас перед глазами — он вообще может быть в другом городе, даже в другой стране. Во втором случае речь идет о том, что́ мы непосредственно наблюдаем — на это прямо указывает глагол *смотри*. В английском же языке все гораздо проще, потому что там эти смысловые различия передаются специальными (видовыми) формами глагола — Simple и Progressive соответственно. Отметим попутно, что термин вид происходит от глагола видеть, который этимологически связан с лат. videre ‘видеть’ и греческим eidos ‘то, что видимо’, и переводом которого является английский термин “aspect».

Итак, каждый раз, когда мы говорим, мы говорим либо о том, что знаем (не уточняя источник информации грамматическими средствами), либо о том, что наблюдаем (выбирая форму, в которой грамматикализовано указание на наблюдателя). Противопоставление «DEFINITE÷INDEFINITE (source of information)» образует основу видового противопоставления как грамматической категории глагольного слова. Но это не вся история: ситуации, когда мы говорим о том, что мы непосредственно наблюдаем, могут существенно различаться в зависимости от того, *что именно мы видим* (слышим и т. п.). Когда я говорю: *Смотри, Иван снова курит*, я имею возможность наблюдать сам процесс курения, и в этом случае нужно употребить форму Progressive. Если же на мой вопрос, почему у Ивана зеленое лицо, мне говорят: *Он выкурил три сигареты подряд*, то в этом случае мне сообщают, что то́, что я вижу, есть следствие (*наблюдаемый признак*) совершенного Иваном действия, хотя самого действия я не наблюдаю. Для выражения этого когнитивного смысла в английском языке существует своя, специальная форма глагола – Perfect. Эта форма употребляется тогда, когда мы сравниваем то, что видим, с тем, что было до этого, и на основании этого сравнения делаем определенный вывод, основанный на фоновых знаниях.

Наконец, возможны случаи, когда мы говорим о непосредственно наблюдаемом действии, и при этом одновременно сравниваем то, что мы видим сейчас, с тем, что видели в какой-то момент (или моменты) до этого. Например, я вижу, что Иван сейчас курит (ну, не понимает он, что тем самым гробит свое здоровье), но я также видел его курящим и до этого, в течение всего дня, то есть я могу сказать: *Иван сегодня курит весь день*. В таком случае происходит объединение двух форм, выражающих разные когнитивные смыслы, и мы получаем очень не любимую многими студентами форму Perfect Progressive. Хотя на самом деле это не просто, а очень просто.

Perfect Progressive может употребляться даже тогда, когда само действие в момент высказывания не наблюдается – если присутствуют наблюдаемые признаки, тесно связанные с ним во времени. Например, если мама, встречая Ивана, чувствует исходящий от его одежды запах табачного дыма и спрашивает: *Ты опять курил?* – она задает вопрос, отталкиваясь от того, что она воспринимает в момент речи (в данном случае запах говорит о том, что Иван курил совсем недавно), и сравнивает это с уже имевшей место ситуацией курения (на что указывает наречие опять).

«Раз, два, три – форму выбери»

«Нет ничего практичней хорошей теории»,– утверждал шведский химик Ян Берцелиус. Разработанная автором когнитивная теория времени и вида обладает тем преимуществом, что она позволяет увидеть принципиальное сходство в устройстве соответствующих грамматических категорий в типологически разных языках. Значения возникают из взаимодействий человека со средой и с другими, они контекстуализируются чувственным опытом, и многое из того, что говорится людьми, прямо или косвенно зависит от их восприятия ситуации, в которой они находятся. Чувственно-опытная контекстуализированность значения большинства грамматических категорий – неважно, о каком языке идет речь, – позволяет проводить важнейшее различие между двумя типами знания: знанием «из первых рук«, или опытным (феноменологическим) знанием, и знанием опосредованным, отвлеченным от своего источника, предстающим как часть существующей структуры знания (структуральным знанием).

Предлагаемый когнитивный подход в обучении английской грамматике позволяет увидеть, что между видовременными формами английских и русских глаголов нет принципиальных различий функционального характера. Другими

словами, системы глагольных форм в двух языках *устроены и функционируют аналогичным образом*. Для того чтобы понять, как функционируют английские глагольные формы, нужно просто понять – на уровне рационального осмысления, – чем определяются особенности функционирования глагольных форм в русском языке. Именно такое понимание дает когнитивная теория времени и вида, позволяющая сформулировать простой алгоритм выбора той или иной формы глагола в дискурсе (рис. 1), чего, к сожалению, не способны сделать традиционные грамматики. Использование данной методики автором и его учениками и коллегами на протяжении 20 лет в образовательных учреждениях различных уровней показало ее высокую эффективность, намного превосходящую существующие традиционные методики.

Рис. 1

Алгоритм выбора видовременной формы

Список литературы

1. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1996а.
2. Кравченко А. В. О когнитивной неэквивалентности активных и пассивных конструкций (к проблеме категории залога) // Филологические науки. 1992. № 1. С. 99–110.
3. Кравченко А. В. Глагольный вид и картина мира // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т.54. № 1. С. 49–64.
4. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.
5. Кравченко А.В. К когнитивной теории времени и вида // Филологические науки.1990. № 6. С. 81–90.
6. Kravchenko, A.V. A cognitive account of tense and aspect: resurrecting "dead» metaphors. Anglophonia. French Journal of English Studies, 2002, no.12, pp. 199-212.

7. Kravchenko A.V. Cognitive Grammar and EFL Methodology: The Case for "Tenses». Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 14. Владикавказ, 2012. С. 343–358.
8. Кравченко А. В. Лингводидактический аспект когнитивного подхода к грамматике. Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Ч. 1. Мат-лы 1-й Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998. С. 122–125.
9. Кравченко А. В. Время разобраться с временами, или как усвоить систему английских времен // Иностранные языки в школе. 2002. № 5. С. 69–71, 116.
10. Кравченко А. В. (ред.). Английский глагол: Новая грамматика для всех (3-е изд., испр. и доп.). Иркутск: БГУЭП, 2010.
11. Willett, T. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality. BuffaloWorking Papers in Linguistics, 1987, vol. 87, pp. 123—179.

Об авторе

Кравченко Александр Владимирович –д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Байкальского государственного университета экономики и права, Научная специализация: когнитивная лингвистика, теория языка, семиотика, биология познания. E-mail: sashakr@hotmail.com

COGNITIVE GRAMMAR IN AN ENGLISH CLASSROOM, OR, HOW TO MAKE LIFE FOR RUSSIAN STUDENTS EASIER

A.V. Kravchenko

Baikal National University of Economics and Law, ulitsa Lenina, 11, Irkutsk, 664003, Russia.

Abstract: *Every EFL teacher who teaches native speakers of Russian knows that the main roadblocks encountered in the classroom pertain to acquisition of articles, prepositions, and grammatical forms of the verb. With regard to articles, the situation is clear: as there are none in Russian, the student needs to understand their role and function in English. It's a bit different with prepositions: even though there are prepositions in Russian, their number and usage in English very often cause confusion. Finally, as far as the so-called tenses go – which are, in fact, tense-aspect forms – many students experience difficulties in developing necessary skills for a simple reason. Being used to the three tenses in Russian (the present, the past, and the future), they are often incapable of understanding the organizational and functional logic of a system which comprises twelve forms in the active voice. With this in mind, the problem of tense acquisition is shown to be rooted in inadequate metalinguistic knowledge pertaining to the meaning and function of the categories of tense and aspect in Russian. Since cognitive structures underlying these grammatical categories are grounded in perceptual experience and are similar in both languages, a cognitive approach, by using the native language as scaffolding, allows the student to benefit from a simple algorithm for choosing a tense in discourse. This radically facilitates grammar acquisition, eliminating many imaginary difficulties. The described approach to instructed tense–aspect acquisition has been successfully used by the author and his disciples and colleagues in educational institutions of different levels for over twenty years, proving to be much more efficient than traditional techniques.*

Keywords: cognitive grammar, perceptual groundedness, observer, aspect, tense.

References

1. Kravchenko, A.V. Jazyk i Vosprijatije: Kognitivnyje aspekty jazykovoj kategorizatsii [Language and Perception: Cognitive aspects of linguistic categorization]. Irkutsk: Irkutsk University Press, 1996a.
2. Kravchenko, A.V. O kognitivnoj neekvivalentnosti aktivnykh i passivnykh konstruktsij (k probleme kategorii zaloga) [On cognitive non-equivalence of active and passive constructions (the category of voice revisited)]. Filologicheskije Nauki – Philological Studies, 1992, no. 1, pp. 99-110 (in Russian).
3. Kravchenko, A.V. Verbal aspect and the world view. Izvestija Rossijskoj Akademii Nauk. Serija literatury i jazyka – Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series, 1995, vol. 54, no. 1, pp. 49-64 (in Russian).
4. Kravchenko, A.V. Cognitive structures for space and time in natural language. Izvestija Rossijskoj Akademii Nauk. Serija literatury i jazyka – Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series, 19966, vol. 55, no. 3, pp. 3–24 (in Russian).
5. Kravchenko, A.V. Toward a cognitive theory of tense and aspect. Filologicheskije Nauki – Philological Studies, 1990, no. 6, pp. 81-90 (in Russian).
6. Kravchenko, A.V. A cognitive account of tense and aspect: resurrecting “dead» metaphors. Anglophonia. French Journal of English Studies, 2002, no. 12, pp. 199–212.
7. Kravchenko, A.V. Cognitive grammar and EFL methodology: The case for “tenses». Aktualnyje Problemy filoilogii i pedagogicheskoj lingvistiki – Topical Problems in Philology and Pedagogical Linguistics. Vladikavkaz: North Ossetia University Press, 2012, vol. 14, pp. 343–358.
8. Kravchenko, A.V. Lingvodidakticheskij aspekt kognitivnogo podkhoda k grammatike [Cognitive approach to grammar from a pedagogical perspective]. Kognitivnaja lingvistika: sovremennoje sostojanije i perspektivy razvitija [Cognitive Linguistics: Status quo and development prospects. Proc. 1st Int. workshop on cognitive linguistics]. Tambov University Press, 1998. Part 1, pp. 122–125.
9. Kravchenko, A.V. Vremja razobratsja s vremenami, ili kak usvoit' sistemu anglijskikh vremen [Time to get a grip on tenses, or, how to master the English tense system]. Inostrannyje jazyki v shkole – Foreign Language in School, 2002, no. 5, pp. 69–71, 116.
10. Kravchenko, A.V. (ed.). Anglijskij Glagol: Novaja grammatika dlia vsekh [The English Verb: A new grammar for everyone] (3rd ed., corrected and revised). Irkutsk: BNUEL Press, 2010 (in Russian).
11. Willett, T. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality. BuffaloWorking Papers in Linguistics, 1987, vol. 87, pp. 123–179.

About the author

Alexander V. Kravchenko – Doctor of Philology, Professor and Chair, Department of Foreign Languages, Baikal National University of Economics and Law. Scope of interests: cognitive linguistics, linguistic theory, semiotics, biology of cognition. E-mail: sashakr@hotmail.com